

ЖИЛ-БЫЛ ХУАЖНИК ОДИН...



Вадим
Нестеров

№ 20

Вадим Нестеров

Жил-был художник один...

«Автор»

2023

Нестеров В.

Жил-был художник один... / В. Нестеров — «Автор», 2023

В 1920-х годах в журнале "Пионер" работали несколько молодых художников. Только-только начинающих. По большому счету, они были еще никто и звать их никак. Но что-то в них все-таки было, раз уж их приветили в "Пионере" и периодически давали заказы на иллюстрации. А в те голодные годы это иногда был вопрос жизни и смерти. А потом разруха кончилась, подработка перестала быть залогом выживания, и каждый из них пошел своей дорогой. Эта повесть - о том, кто куда пришел.

© Нестеров В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

От автора	5
Глава 1. Иван	6
Глава 2. Василий	24
Глава 3. Анатолий	47
Глава 4. Борис	63
Глава 5. Владимир	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Вадим Нестеров

Жил-был художник один...

От автора

Эта повесть появилась на свет случайно. Однажды я по исследовательской надобности листал номера журнала «Пионер» за 1926 год. И вдруг обратил внимание на несколько фамилий художников, известных мне совсем в другом качестве и, что греха таить – совсем другом статусе.

«Что они здесь делают?» – удивился я, но быстро понял, что работа в советском журнале для подростков была для них – тогда еще никому не известных – способом выжить в то непростое время. Как только жить стало немного полегче, их пути разошлись и разошлись навсегда.

И тогда я решил отследить судьбы всех начинающих художников, работавших в журнале «Пионер» в этом самом 1926 году.

Критериев было всего два.

Во-первых, это должен был быть молодой художник – то есть родившийся в девяностых или нулевых. Во-вторых, он должен сотрудничать с «Пионером» на постоянной основе – то есть его рисунки должны были появиться в нескольких номерах журнала.

Таких оказалось ровно 12 человек, если считать Ивантера.

Их истории – ниже.

Глава 1. Иван

В 1920-х годах в журнале "Пионер" работали несколько молодых художников. Только-только начинающих. По большому счету, они были еще никто и звать их никак.

Но что-то в них все-таки было, раз уж их приветили в "Пионере" и периодически давали заказы на иллюстрации. А в те голодные годы это иногда был вопрос жизни и смерти.

Один из этих юношей появлялся в редакции реже всех. Просто он жил Подмосковье – в Одинцово, где он, собственно, и родился. Юношу звали Иван Дубасов и ему, в силу территориальной удаленности в сочетании с высоким профессионализмом, обычно давали объемные задания.



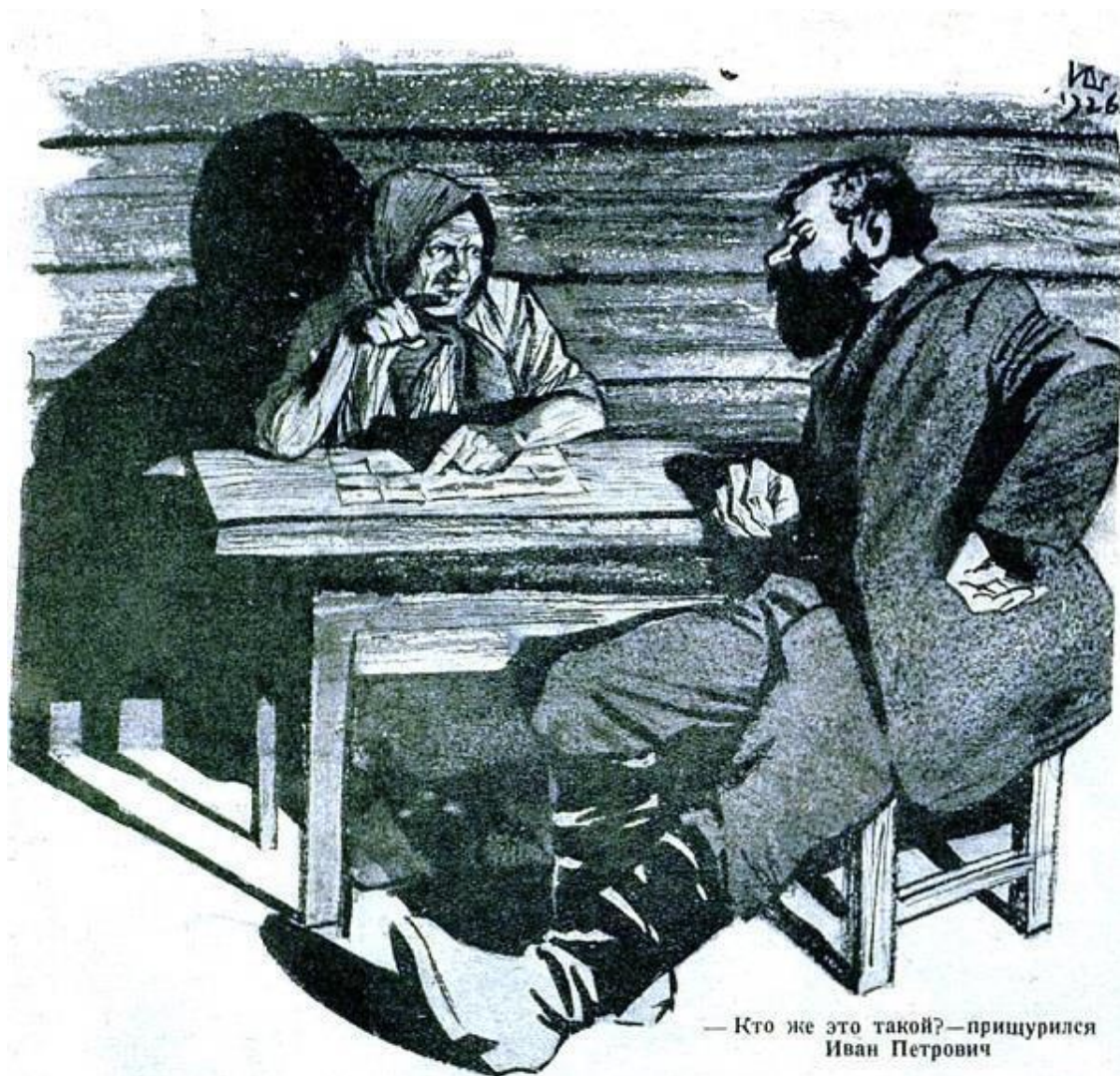
Обложка "Пионера" №20 за 1926 год с рисунком Ивана Дубасова



— Из себя какой царь-государь, Николай Романов, был, помнишь?

Так, в нашем 1926 году Дубасова в "Пионере" было очень много, поскольку он иллюстрировал какой-то бесконечный роман "Черный яр" забытого ныне писателя Льва Гумилевского. Между прочим, во всей бурной биографии писателя Гумилевского мне больше всего нравится строчка *"преподавал литературу на пехотно-пулемётных курсах"*, но это к делу не относится.

Уроженец Одинцово Иван Дубасов был абсолютно обычным художником "Пионера" 1920-х годов. Как и большинство сотрудников журнала, Дубасов не мог похвастаться законченным образованием – он учился в Императорском Строгановском училище (ныне МГХПА им. Строганова), но получить диплом помешала Первая мировая война.





Мобилизация, школа прапорщиков, Западный фронт, пешая разведка, Румыния, революция, тиф, а из госпиталя возвращаться было уже особо и некуда – русская армия приказала долго жить. Дубасов устраивается в школу учителем рисования, но тут вновь мобилизация, Красная армия и Гражданская война.



Недоучившийся студент упрямо не хотел становиться военным, поэтому после окончания Гражданской Дубасов возвращается в Одинцово и вновь устраивается в школу, а в свободное время шкраб ("школьный работник") калымит в журналах. Впрочем, кроме "Пионера", "Лаптя", "Безбожника", "Работницы" и "Крестьянки" у Ивана Дубасова была еще одна подработка.



Ее он получил еще в 1922 году, когда на удачу принял участие в конкурсе, объявленном газетой "Известия" на лучший эскиз почтовой марки, посвященной пятилетию РСФСР. А на девушке Вере, которая рассказала ему про конкурс, он потом женился и прожил с ней всю жизнь, вырастив четверых детей. Кстати, конкурс никому не известный вчерашний студент неожиданно для всех выиграл и получил первый приз – один миллиард рублей, на которые купил валенки.

А на награждении к нему подошли двое членов жюри и предложили подработать на Госзнаке в качестве художника-гравера. От работы в то голодное время никто не отказывался, и, надо сказать, работа эта у Дубасова пошла.

Из граверов его скоро повышают до компоновщика рисунков, а потом включают в группу художников, работавших ни много, ни мало – над гербом создаваемого С.С.С.Р. – так тогда писали название новой страны. В задании, помимо прочего, оговаривалось, что на рисунке герба должна быть надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на всех титульных языках четырех республик-основателей страны: РСФСР, Украинской, Белорусской и Закавказской. То есть – на русском, украинском, белорусском, армянском, грузинском и тюрко-татарском. Но было условие – рисунок должен позволять в любой момент увеличить количество надписей.

Именно Дубасов, вспомнив популярные на фронте солдатские обмотки, предложил добавить на победивший эскиз художника Корзуна ленты, перевивавшие колосья.



В следующем, 1924 году у молодого художника случилось сразу два достижения.

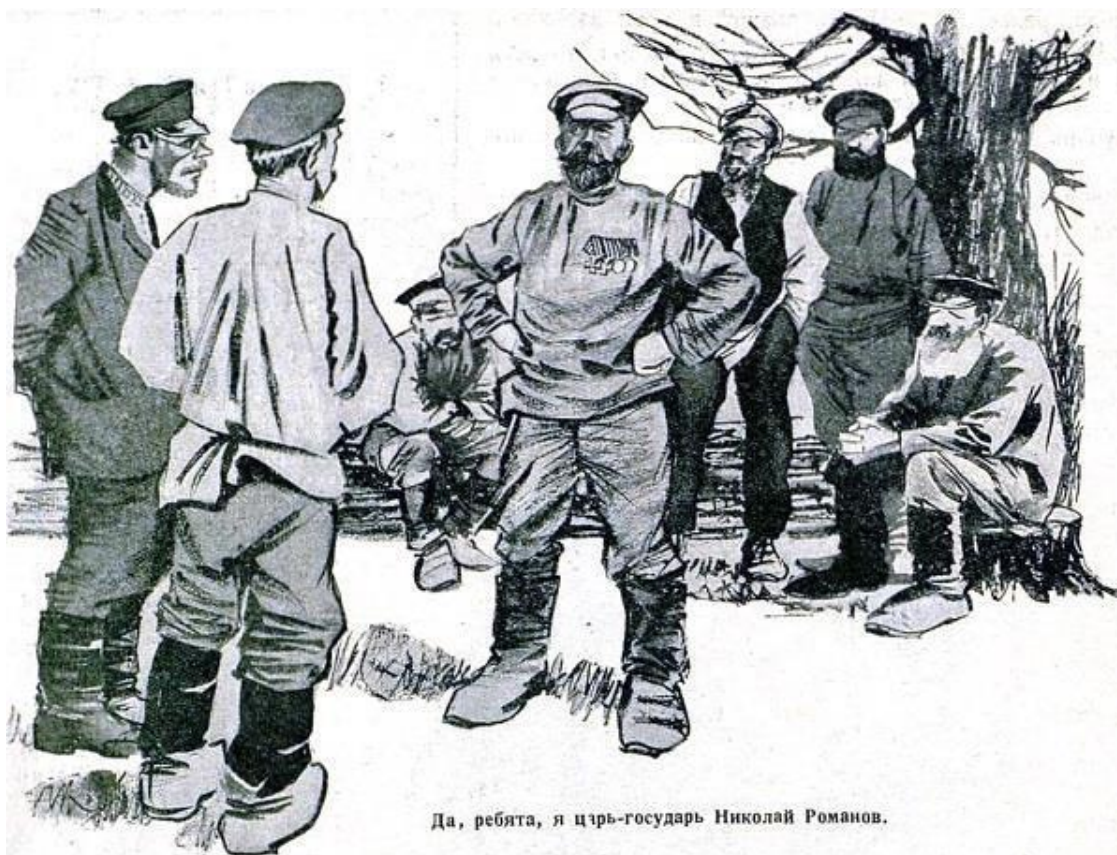


Во-первых, он нарисовал свою вторую марку, но какую! После смерти Ленина он практически за день сделал оригинал траурной марки, и на момент начала траурной церемонии прощания с вождем – к 16.00 27 января она уже была отпечатана и поступила в обращение.



В том же году его впервые привлекли к разработке денежных банкнот и Дубасов блестяще выполнил первое задание – нарисовать крестьянина-сеятеля для трех червонцев 1924 года.

А в 1928 году появится банкнота в два червонца, полностью, от начала и до конца, нарисованная Иваном Дубасовым.



В общем, не приходится удивляться, что еще в марте 1926 года "молодой и талантливый", которому не было и 30, назначается старшим художником Госзнака. Вскоре после этого он прекращает работать в журналах и занимается только деньгами, ценными бумагами, марками, государственными наградами и т.п. Так что наш "Черный яр" 1926 года – одни из последних иллюстраций Дубасова.

А после того, как в 1932 году наш герой становится главным художником Госзнака, слова "деньги" и "Дубасов" окончательно становятся близнецами-братьями.

На должности главного художника он пробудет почти 40 лет, до начала 1970-х, и советские деньги этого периода нарисованы им.



И не только советские. Иван Дубасов нарисовал денежные знаки доброй половине социалистических стран: ГДР и Монголии, Польше и Китаю, Албании и Чехословакии.





А советские деньги – вообще все. Даже те, что появились после его смерти. "Павловские" купюры 1991 года сделаны по оставшимся в Госзнаке эскизам Дубасова.

Помните, в позднем Советском Союзе поэт Вознесенский в своих стихах требовал: "Уберите Ленина с денег!". "Посадил" Ленина на деньги именно наш герой. Еще в 1937 году.





Но здесь вождь почти анфас, а ставший классическим профиль Ильича, знакомый всем жителям Советского Союза Иван Иванович впервые нарисовал для ордена Ленина, и только потом он перенес на деньги. В 1945-м его наградят орденом, дизайн которого он сам разработал.



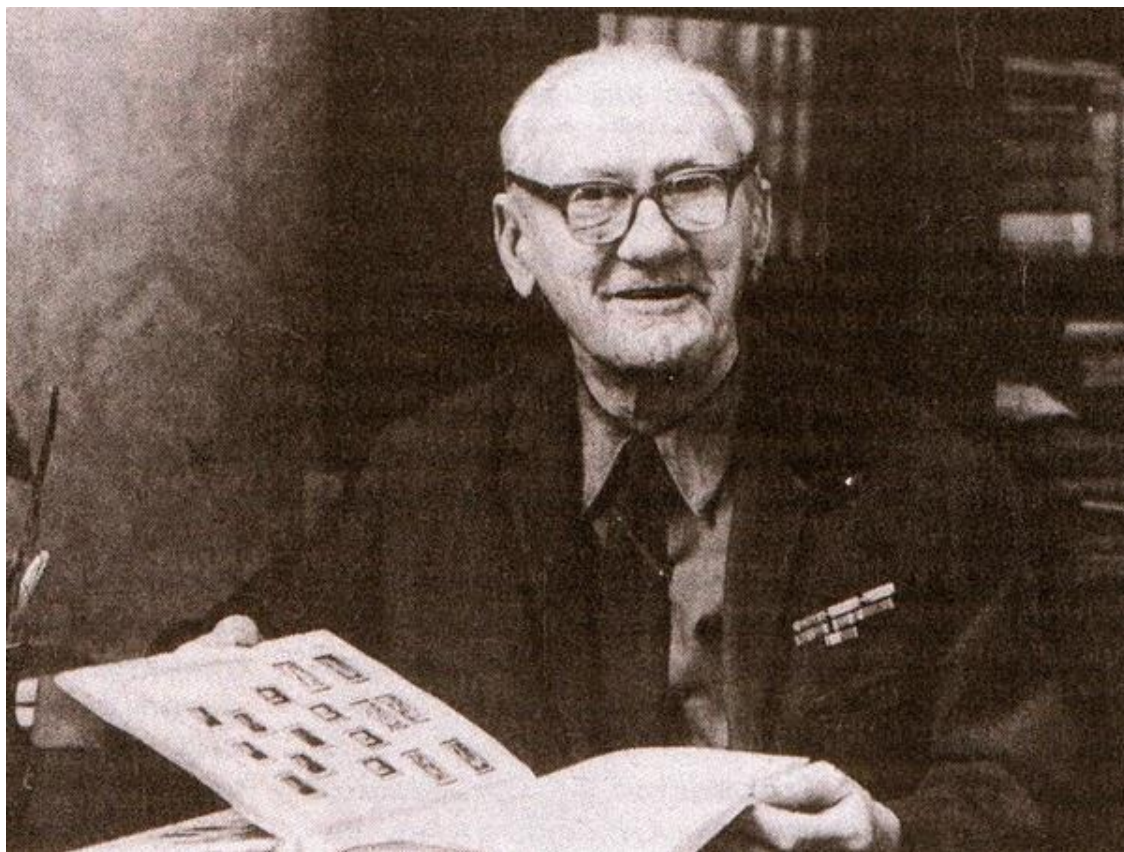
Кстати, советских наград художник разработал довольно много – "Материнская слава", маршальская звезда, даже легендарная "звезда Героя" – и та его.

Я уж молчу про марки, которых десятки.



И даже к макетам вымпелов, которые советские летательные аппараты доставили на Луну и Венеру, Иван Иванович руку приложил.

Мало кому известный художник, чьи работы прекрасно знали сотни миллионов людей, Иван Иванович Дубасов скончался 15 марта 1988 года на 91-м году жизни.



Похоронен на Акуловском кладбище города Одинцово.
А в Союз художников его так и не приняли.

Глава 2. Василий

В 1920-х годах в журнале "Пионер" работали несколько молодых художников. Только-только начинающих. По большому счету, они были еще никто и звать их никак.

Но что-то в них все-таки было, раз уж их приветили в "Пионере" и периодически давали заказы на иллюстрации. А в те голодные годы это иногда был вопрос жизни и смерти.

Одного из этих юношей звали Василий Ефанов. Большинство героев моей повести мы можем увидеть уже в зрелом возрасте, Василий – один из немногих, кто оставил нам свое изображение времен работы в «Пионере». Вот как он выглядел в голодные 1920-е.



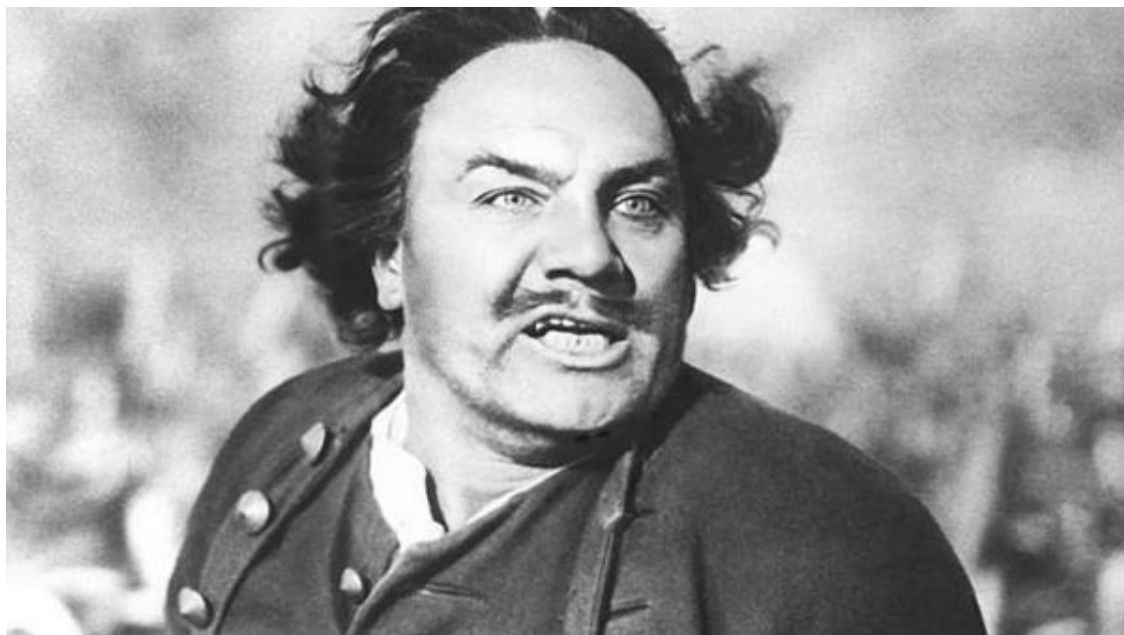
В 1926 году ему поручили нарисовать картинки к повести "Турмалин-камень" Алексея Кожевникова – участника Гражданской войны и недавнего педагога-воспитателя в Центральном приёмнике для беспризорных детей.



В 1926 году Василию Ефанову было 26 лет. Он был из Самары, сыном крестьянина, выбившегося в лавочники, и потому имевшего возможность дать сыну образование. Василий закончил единую трудовую школу II ступени, потом учился в местном художественно-промышленном техникуме.



Давай бадью!



Парень реально "заболел" живописью и очень хотел стать художником, но Самаре больше нечего было ему предложить. Тогда они с другом Николаем Симоновым едут в Петроград поступать в Свободные художественные мастерские (бывшую Академию художеств). Николай поступил, а Василий провалился. Ирония судьбы состоит в том, что Николай позже стал знаменитым... актером, одним из главных кинозвезд сталинского СССР. Вот Николай Симонов в роли Петра Первого.

А лузер-Василий переезжает из Питера в Москву и пытается поступить на тамошние Высшие художественно-технические мастерские (Вхутемас) – но вновь неудачно.



Несмотря на два сокрушительных удара, он не сдался и, как многие другие потерпевшие фиаско провинциалы, на малую родину возвращаться не стал, а остался в Москве. Москва же! Здесь столько возможностей – как-нибудь зиму перекантуюсь, а на следующий год уже точно поступлю!

"Как-нибудь" затянулось на много лет. Василий жил в Москве, перебивался случайными заработками, но мечту о живописи не бросал, посещая курсы рисунка у Дмитрия Кардовского – осколка старого режима, действительного члена Императорской академии художеств, прославившегося картинами на библейские темы и росписями соборов. Учил Дмитрий Николаевич на совесть, список его питомцев просто слепит звездными именами.



В 1926 году Василий Ефанов закончил курсы Кардовского и в этом же году его фамилия впервые появляется в журналах «Пионер», «Костер» и «Красноармеец и краснофлотец» с заветной припиской – "художник В. Ефанов".



"Турмалин-камень" в "Пионере" – один из первых его заказов.

Но, опять-таки, успехом и не пахло – обычная рисовальная поденщина, по большому счету – те же случайные заработки, только в журналах, да еще в театре – четыре года он отработал художником-оформителем в «4-й студии МХАТ».

Маялся Василий еще и оттого, что, по большому счету, не хотел быть ни иллюстратором, ни театральным художником. Он мечтал стать живописцем и рисовать картины.

И здесь занятно примечать, как поденщина переламывалась в мечту. В 1928 году Ефанов пишет свою первую большую картину – «Подвиг Г. И. Котовского»



А вот рисунок художника в журнале «Пионер» как в «нашем» 1926 году.



Но «Подвиг Котовского» прошел незамеченным, как и другие картины художника. Ефанов медленно, но верно дрейфовал в направлении самой многочисленной категории художников – художников-лузеров, всю жизнь зарабатывающих на жизнь нелюбимой работой. Ему уже четвертый десяток, а он по-прежнему рисует то, что надо, а не что хочется. А у людей творческих профессий это первый и главный признак неудачника.

Но у Ефанова было то, чем очень редко могут похвастаться неудачники – невероятное, какое-то оголтелое трудолюбие, которое отмечали все, кто писал об этом художнике. Он рисовал каждую свободную минуту, нарабатывая и нарабатывая технику.

И однажды он пробил эту стену.

Перелом случился в 1933 году, когда 33-летнему Василию удалось пробиться на выставку к 15-летию Красной Армии с картиной «Ликвидация антоновщины». Картину наконец-то заметили, технику оценили и Ефанова пригласили в группу художников, писавших создаваемую по инициативе Ворошилова диораму «Штурм Перекопа».

Два года они писали диораму, а когда рабочий день заканчивался, никто никуда не уходил – молодые художники здесь же, в выделенных мастерских, писали уже свои работы.



Там, в мастерских «Штурма Перекопа» Василий Ефанов и написал свою, наверное, лучшую работу – «Незабываемая встреча».

«Незабываемая встреча» выстрелила так, что уши у всех заложило. Василия Ефанова абсолютно справедливо считают одним из главных создателей социалистического реализма, а картину «Незабываемая встреча» (или, точнее, «Незабываемая встреча (Руководители Партии и Правительства в Президиуме Всесоюзного совещания жён хозяйственников и инженерно-технических работников тяжёлой промышленности в Кремле)» – одним из высших достижений этого направления в живописи.



Вождей партии и правительства рисовали и раньше, и позже, но «Незабываемая встреча» – одна из немногих работ, на которых они – живые люди. И светящаяся изнутри Суровцева, и растроганный Сталин, и улыбающийся Молотов – перед нами действительно ове- щественный лозунг «Народ и партия – едины», причем лозунг, которому веришь.

Именно "Незабываемая встреча" окончательно оформила появление нового стиля – соц- реализма, и Сталинская премия художнику лишь подкрепила этот статус.

И пошло-поехало...



Картина «Встреча слушателей Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского с артистами театра им. К.С. Станиславского» стал очень популярной. Актрисы и летчики вместе – что может быть лучше, Каманин и Станиславский дружески беседуют – это ли не счастье?

Талант художника – а Василий Прокофьевич, безусловно, был одним из самых талантливых соцреалистов – оценили все.

Успех все-таки пришел и Ефанов, ждавший его много десятилетий, не собирался упускать этого шанса.

Он буквально вгрызается в работу и вскоре становится одним из самых любимых властями и народом художников.

В 1933-м его только-только заметили, а уже в 1938 году Ефанову поручают грандиозный по размерам и ответственности заказ – роспись павильона СССР на выставке в Нью-Йорке. Во главе бригады лучших художников страны Ефанов создает монументальное полотно «Знатные люди Страны Советов».



Огромное полотно (11 на 17 метров) с более чем 60 фигурами – от летчика Чкалова и шахтера Стаханова до акына Джамбула и писателя Алексея Толстого – рисовалось в просторном зале ГУМа и было создано за невероятно короткий срок – художники в прямом смысле слова работали днем и ночью и уложились в полтора месяца.

Ефанов становится одним из вождей соцреализма в живописи, и, похоже, он действительно искренне верил в то, что социалистический реализм и впрямь самое прогрессивное течение в мировой живописи. Человек, заплативший за овладение техникой академической живописи многими годами жизни вряд ли мог внутренне принять современное искусство, забывшее на технику болт.

Думается, он был вполне искренен, когда после поездки на зарубежную выставку писал: *«Как на выставке, так и в музеях США и Франции, хранящих произведения современного искусства, меня глубоко поразила полнейшая бессодержательность, бестемность, бесхребетность произведений современных художников буржуазии. Они бегут от жизни, от реальности, от настоящего живого человека, они измышляют, выдумывают что-то, часто весьма непонятное и маловыразительное».*

К началу войны Ефанов уже считался живым классиком.

Но это не помешало ему все военные годы провести в поездках на фронт, постоянно выезжая на передовую. Вот его картина "Уличный бой".





Вот – «У могилы товарища», горькая, как весь 1941-й, в котором она написана.



В 1943 году художник несколько недель был "на передке" в Сталинграде, где под минометными обстрелами сделал множество портретов защитников города, которые позже использовал для большой картины «Сталинград, 1943».



После войны живой классик и непревзойденный техник продолжил создавать огромные многофигурные композиции, где раскрашивал каждую жилку на шее. К первой довоенной он добавил еще четыре Сталинские премии – в 1946-м за картину «И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов у постели больного А. М. Горького».



В 1948-м за картину «В. М. Молотов у Кремлёвской стены».



В 1950-м – за коллективную работу «Передовые люди Москвы в Кремле» и за портреты знатных людей Москвы: Т. К. Рожковой, метростроевщицы Т. В. Фёдоровой, авиаконструктора А. М. Люльки, Героя Социалистического Труда В. Т. Осипова.

И в 1952-м – за картину «Заседание Президиума Академии наук СССР» и портреты советских учёных (с соавторами).



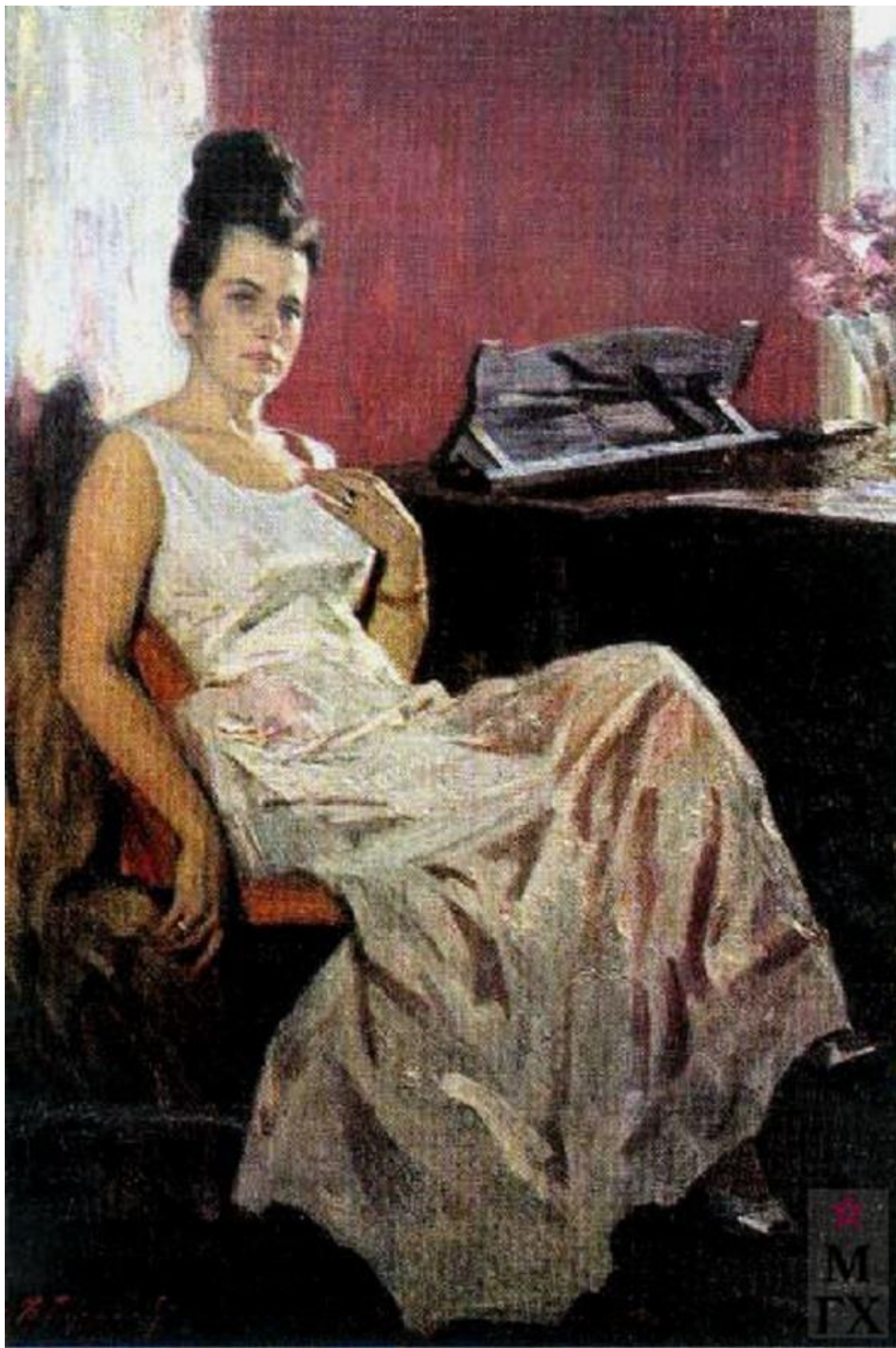
В 1950-е Василий Ефанов практически полностью отходит от сюжетной живописи. Он был одним из лучших певцов сталинской эпохи, но это время закончилось и закончилось навсегда.

После разоблачения культа личности Ефанова не громили так, как других «придворных художников», но он прекрасно понимал, что время громкой славы – ушло.

И вновь его спасла непревзойденная техника. Ефанов уходит в портретную живопись и становится одним из самых востребованных портретистов страны.

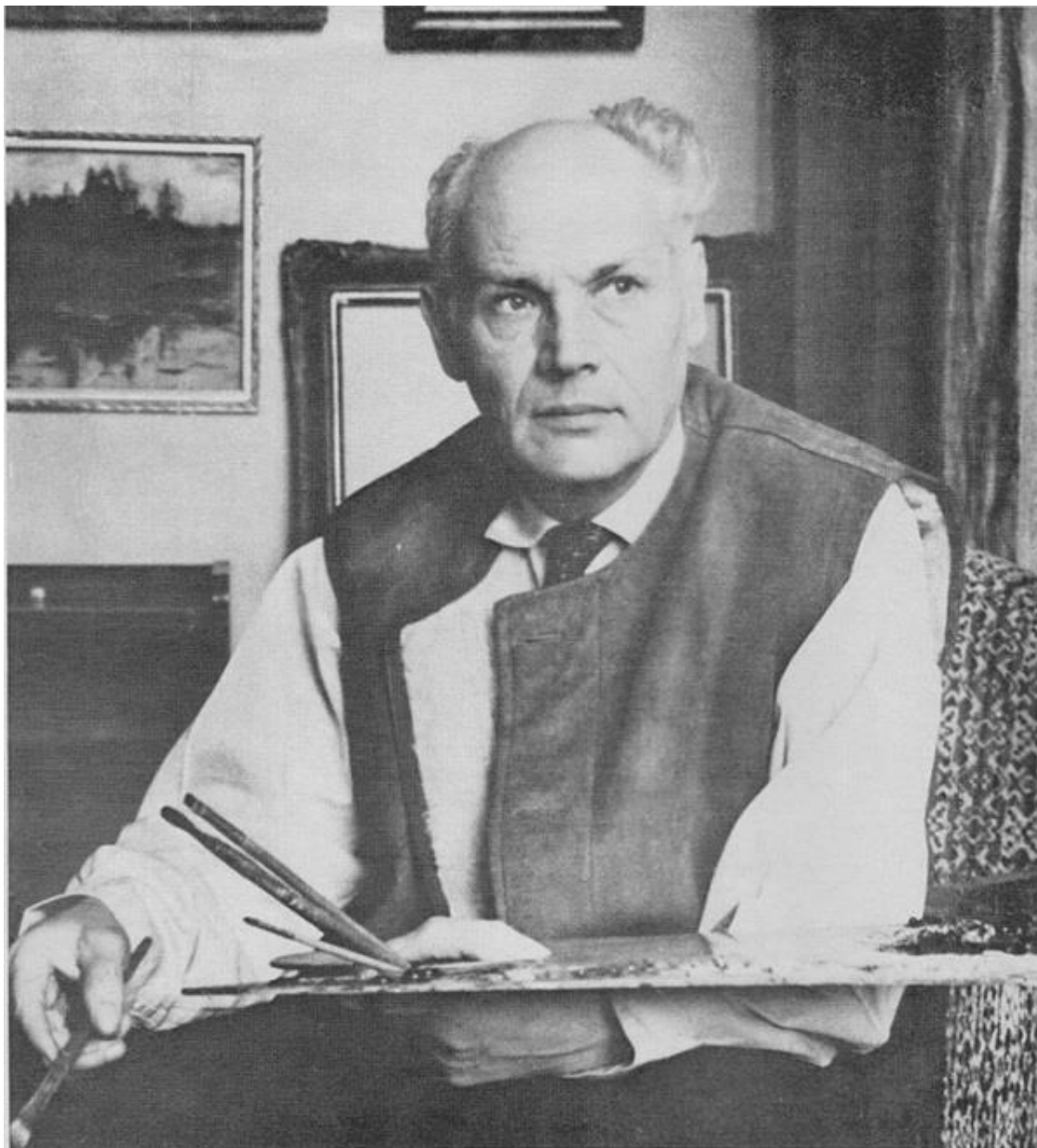


Созданную им портретную галерею многие почитают одной из лучших даже не в советский период, а в отечественной живописи как таковой. У него люди не просто похожие – живые. Вот вам для примера «Портрет заместителя секретаря комсомольской организации Метростроя Т. К. Рожковой» 1949 года.



А вот молодая Галина Вишневская в 1960-е.

Сегодня, разумеется, живопись Ефанова получает самые полярные оценки. Вернее, большой талант признают все, а вот способ его приложения заставляет всех спорить до хрипоты.



Я не возьмусь давать свою оценку соцреализму, я не специалист в живописи. Но, как историк, замечу, что хотим мы того или нет, наше визуальное представление о 30-50-х годах в истории нашей страны сформировано соцреалистами, Ефановым и его последователями.

И одним этим он заслужил память.

Глава 3. Анатолий

В 1920-х годах в журнале "Пионер" работали несколько молодых художников. Только-только начинающих. По большому счету, они были еще никто и звать их никак.

Но что-то в них все-таки было, раз уж их приветили в "Пионере" и периодически давали заказы на иллюстрации. А в те голодные годы это иногда был вопрос жизни и смерти.

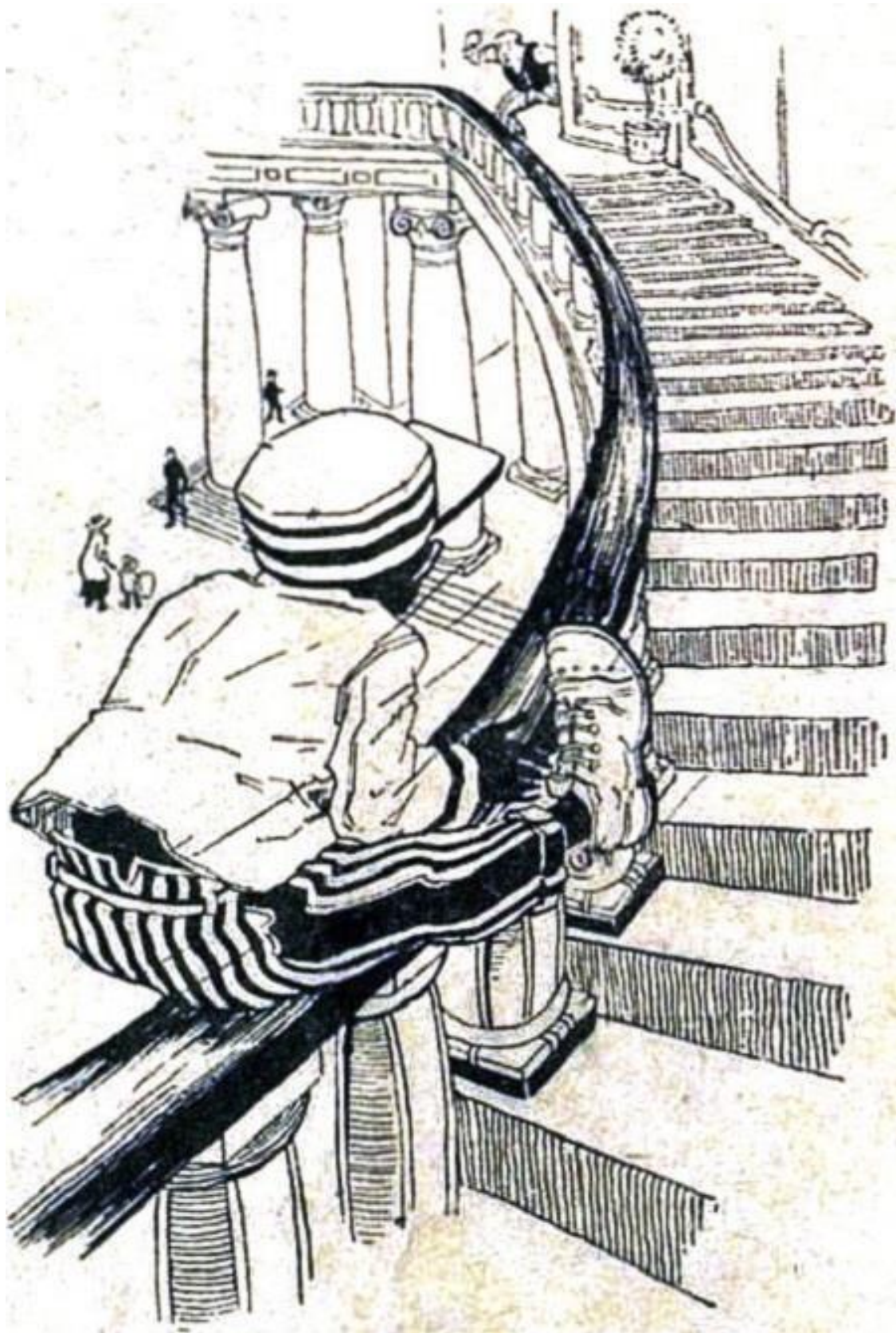
Один из этих юношей подписывал свои рисунки "Соколов-Аси".

А. Михайловский

Негритеенок Томми



"Турмалин-камень" с рисунками Василия Ефанова, о котором я рассказывал в прошлой главе, закончили публиковать в Пионере №6 за 1926 год, и в этом же номере начинается публикация стихотворения А. Михайловского "Негритеенок Томми" с рисунками Соколова-Аси.



"Соколов-Аси" был чрезвычайно таинственной личностью. Самой таинственной в этой компании молодых художников журнала "Пионер" 1926 года.



Смею думать, что я умею копать информацию, но о нем я накопал какие-то жалкие крохи.



По сути, все, что о нем доподлинно известно – это подпись. Она появляется в печати в 1924 году, в "Пионере" он публикуется часто и едва ли не с первого номера. В двадцатых же Соколов-Аси начинает сотрудничать с издательствами, в основном рисует в Издательстве Г.Ф. Мириманова. Кроме забытых поэтов 1920-х, оформляет книги Майна Рида, Генриха Сенкевича и прочие невероятные приключения вроде книги Арну Галопен и Анри де ла Во "Кругом света на аэроплане".



К концу 1920-х книги с его картинками выходят все реже, в тридцатые его работ практически нет, последнее, что мне попало – журнал "Знание – сила" № 8, апрель 1932 г., где указано: "Иллюстрация на обложке А. Соколова-Аси, внутренние иллюстрации Д. Рубинштейна". После 1932 года художник Соколов-Аси исчезает из русской литературы.

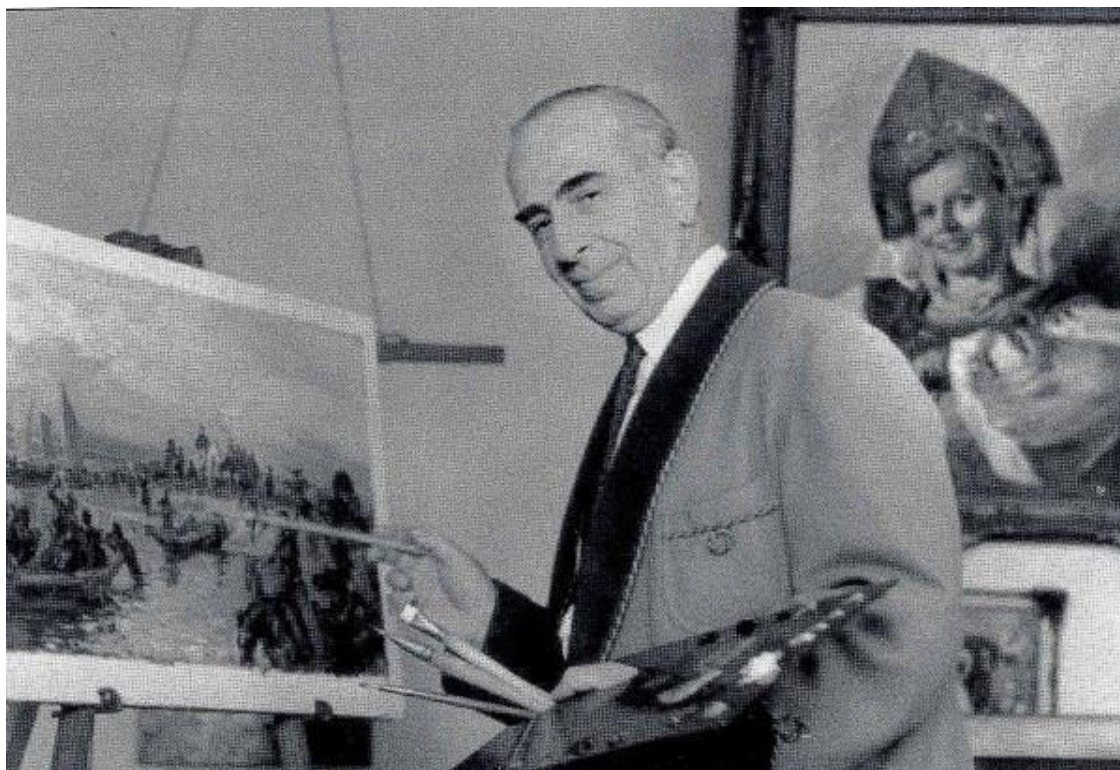


Кроме появившейся информации, что имя художника начиналось на «А» – «А. Соколов-Аси», в справочнике Алексея Морозова «Определитель монограмм художников-оформителей произведений печати» у художника Соколова-Аси указаны еще и годы жизни: «1891 – 1970».

Все.

Как писал Маршак – "больше не знают о нем ничего".

В эти крохи информации укладывается только один известный мне художник. Я вам о нем расскажу, но имейте в виду, что если с остальными героями этой книги все точно, то здесь стопроцентной доказанной идентичности с Соколовым-Аси нет.



Анатолий Александрович Соколов (1891—1971) был не чета крестьянскому сыну Василию Ефанову. Он родился в Петергофе в семье придворных царской фамилии, отец обеспечивал царскую охоту, а мама, урожденная Ольшанская, была генеральской дочерью.

Все мужчины в этой семье были военными, и Анатолий не стал исключением. Несмотря на то, что он с детства любил рисовать, юноша поступил сначала в элитный Николаевский кадетский корпус, потом закончил Тверское кавалерийское училище.



По выпуску служил в Финляндском драгунском полку в Выборге и продолжал рисовать. Делал он это так искусно, что молодому офицеру было дано начальственное разрешение посещать вольнослушателем занятия в Императорской Академии художеств, где он учился у Б. М. Кустодиева и уже знакомого нам Д. Н. Кардовского – того самого, который и пристроил Ефанова в журнал "Пионер".

"Казачий праздник"

С началом Первой мировой молодой офицер на фронте, откуда он присылает серии репортажных рисунков, которые даже публикуются в журналах. Но вскоре кавалериста "перепрофилируют" в летчика – Соколова переводят в Гатчинскую военно-авиационную школу, после окончания которой в 1915 году он остается там в должности инструктора.

Революция тяжело прокатилась по семье Соколовых – отец был убит, один брат погиб в Гражданскую, второй пропал без вести. После развала армии Анатолий возвращается к матери и сестре и становится главным кормильцем в семье, зарабатывая на жизнь живописью.

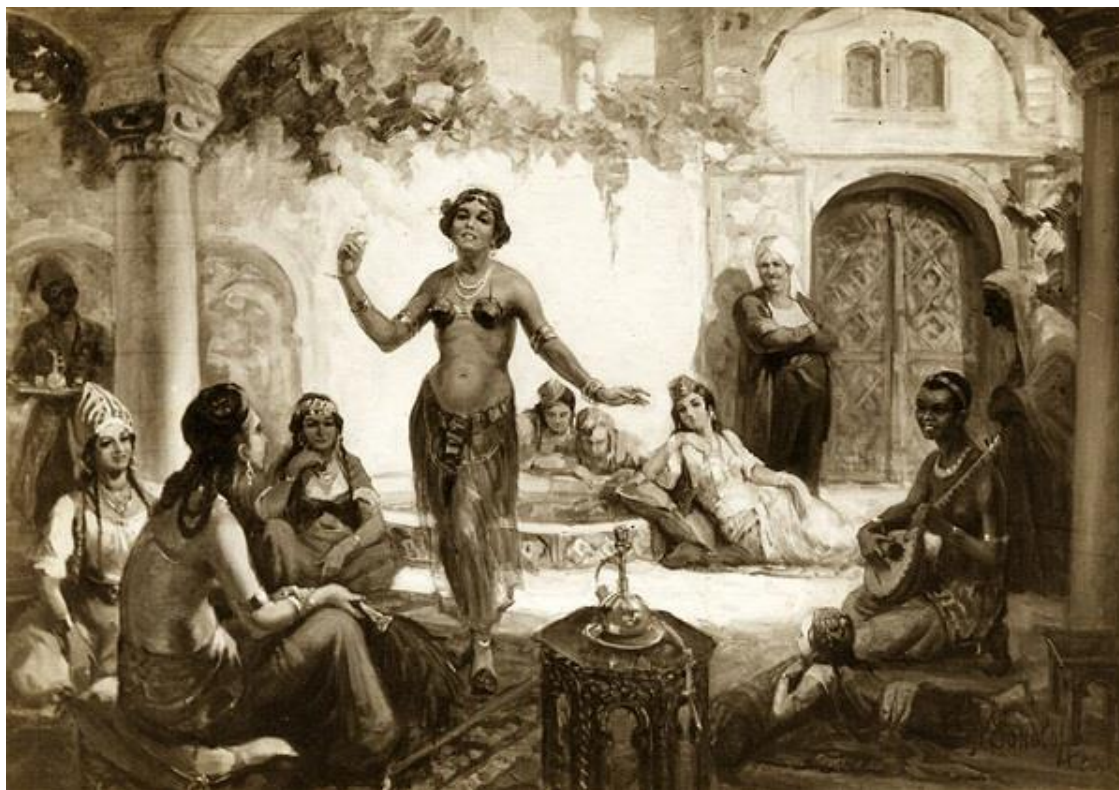


Постепенно жизнь наладилась, и он решает сделать хобби профессией – возвращается на учебу в Высший художественно-технический институт (бывшую Академию художеств), заканчивает ее и в том же 1926 году женится.

Но бывшим придворным в Советской республике жилось не очень весело.

В 1932 году, когда публикуется последний рисунок художника Соколова-Аси, Анатолия Соколова арестовывают и приговаривают к 5 годам лагерей. Срок отбывал в Свирском исправительно-трудовом лагере в Ленинградской области, досрочно освобожден в январе 1936 года, но без права местожительства в крупных городах. Урожденному и убежденному питерцу был закрыт доступ в Ленинград, и больше он в этот великий город никогда не попадет.

Из городов, дозволенных к проживанию, художник выбрал Симферополь и по освобождении был отправлен в Крым. Там он вновь занялся живописью, написал такие работы, как «Родина приветствует вождя», «Ходоки у Ленина», «Выборы в Верховный Совет Крымской АССР», «Бой у Юшуни», «Праздник урожая».



Жизнь вновь наладилась, даже карьера пошла в гору, и в 1938 году Соколов избран одним из руководителей Союза художников Крыма, он активно участвует в выставках.

"Бахчисарайский фонтан"

Но, похоже, судьба с редким упорством не давала этому человеку пожить спокойно.

Начинается война, немцы рвутся к Крыму и после бомбежки в огне погибают все картины Анатолия Соколова. Все, полностью, ни одного холста не осталось.

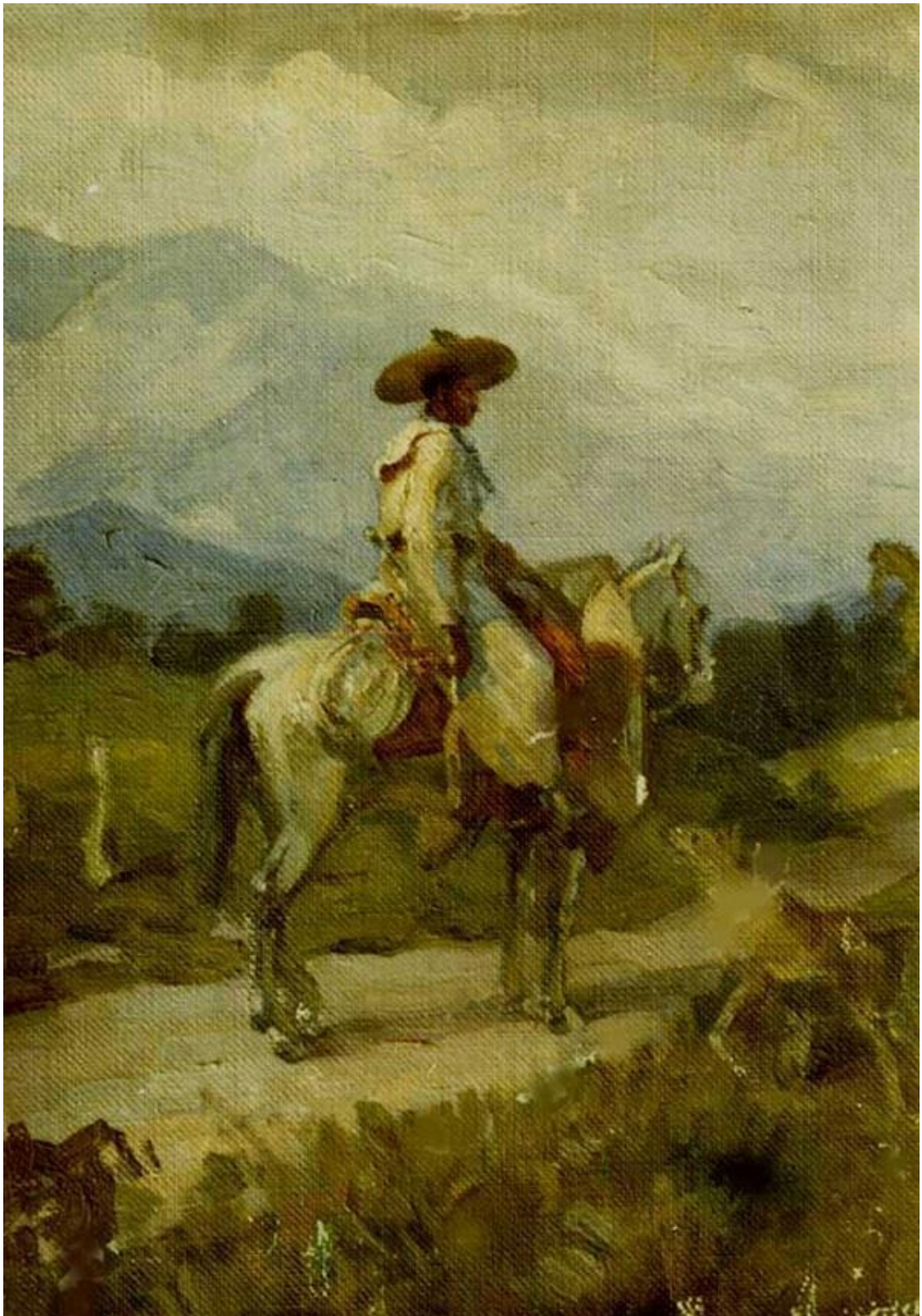
Вскоре после этого немцы берут Крым, и семья Соколовых оказывается в оккупации. Они решают начать жизнь заново и втроем с маленьким сыном бежать в Европу. По поддельным документам они пересекают румынскую границу, а через несколько месяцев оседают в нейтральной Швейцарии, откуда перебираются в Лихтенштейн.

И вновь жизнь вроде бы начала налаживаться. После войны Соколов активно выставляется в Швейцарии, Австрии и Лихтенштейне. В 1946 году портрет княгини Лихтенштейнской Георгины был награжден сертификатом, потом Anatol Sokoloff получает первую премию за картину «Вильгельм Телль» в австрийском г. Фельдкирхене.



Соколов очень тосковал по Родине и никогда не отрекался от нее – к примеру, в 1945 году он заканчивает картину "Непобедимый Ленинград". Но при этом спокойно жить в Европе ему не давала резвившаяся фобия – он смертельно боялся депортации в Советский Союз.

Поэтому в 1948 семья эмигрирует в Аргентину, открывшую двери для советских эмигрантов. Там Соколов быстро становится одним из ведущих аргентинских художников, и в 1950 получает Большую золотую медаль Министерства образования Аргентины за картину «Переход через Анды», посвящённую генералу Хосе Сан-Мартину.



Много работает по заказам: для главной палаты Национального Конгресса Аргентины он написал работу «Генерал Хосе Сан-Мартин, освободитель», по заказу Министерства культуры и просвещения – картину «Армия генерала Бельграно переправляется через реку Парану» и другое.

"Сальта"

Постепенно пришла известность – сначала в Латинской Америке, а потом и в Северной. Но рок, который всю жизнь гнал его с места на место, был неумолим.



В 1961 году художник нашел в почтовом ящике письмо из Калифорнии. Написано оно было пропавшим в Гражданскую войну братом. Как оказалось, тот воевал с Колчаком, потом отступал с белыми, через Китай ушел за кордон и в итоге осел в Штатах. Он слезно звал брата к себе – пусть хоть конец жизни проживем рядом.

"Битва при Банкер-Хилле"



Анатолий Александрович переезжает к брату, последнее десятилетие своей жизни он прожил гражданином США. На новой родине, оказавшейся последней, художник написал порядка двух десятков картин из истории Америки: «Зимний поход генерала Джорджа Вашингтона» (1967), «Битва у Банкер-Хилла» (1964), «Парламентеры лорда Корнвалисса в штабе генерала Вашингтона» (1964), «Лексингтон» (1966) и др.

"Форт-Росс"

Анатолий Александрович Соколов умер в мае 1971 года в Сан-Франциско.

После его смерти потомки передали в дар Государственной Третьяковской галерее картину «Взятие Измаила фельдмаршалом Александром Суворовым», а Государственному Исто-

рическому музею – портрет Кончиты Аргуэльо, возлюбленной русского командора Николая Резанова.

Ну да, та самая, из "Юноны и Авось". Помните?

Эту воду в мурашках запруды,

это Адмиралтейство и Биржу

я уже никогда не забуду

и уже никогда не увижу.

Глава 4. Борис

В 1920-х годах в журнале "Пионер" работали несколько молодых художников. Только-только начинающих. По большому счету, они были еще никто и звать их никак.

Но что-то в них все-таки было, раз уж их приветили в "Пионере" и периодически давали заказы на иллюстрации. А в те голодные годы это иногда был вопрос жизни и смерти.

Сергей Ауслендер

Рис. худ. Б. Покровского



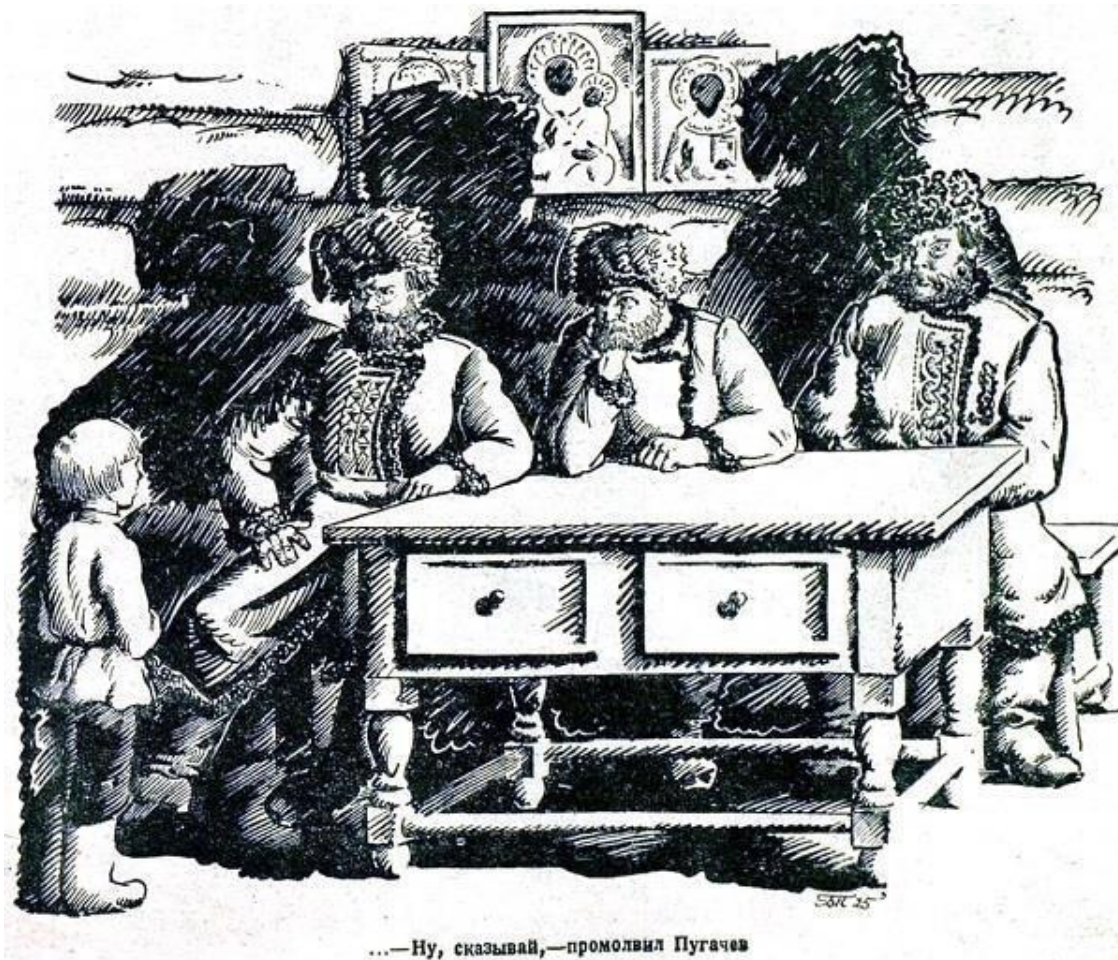
Один из этих юношей звался Борисом Покровским, и на страницах "Пионера" 1926 года был одним из самых частых гостей. Ну вот, например – иллюстрировал повесть Сергея Абрамовича Ауслендера "Пугаченок".



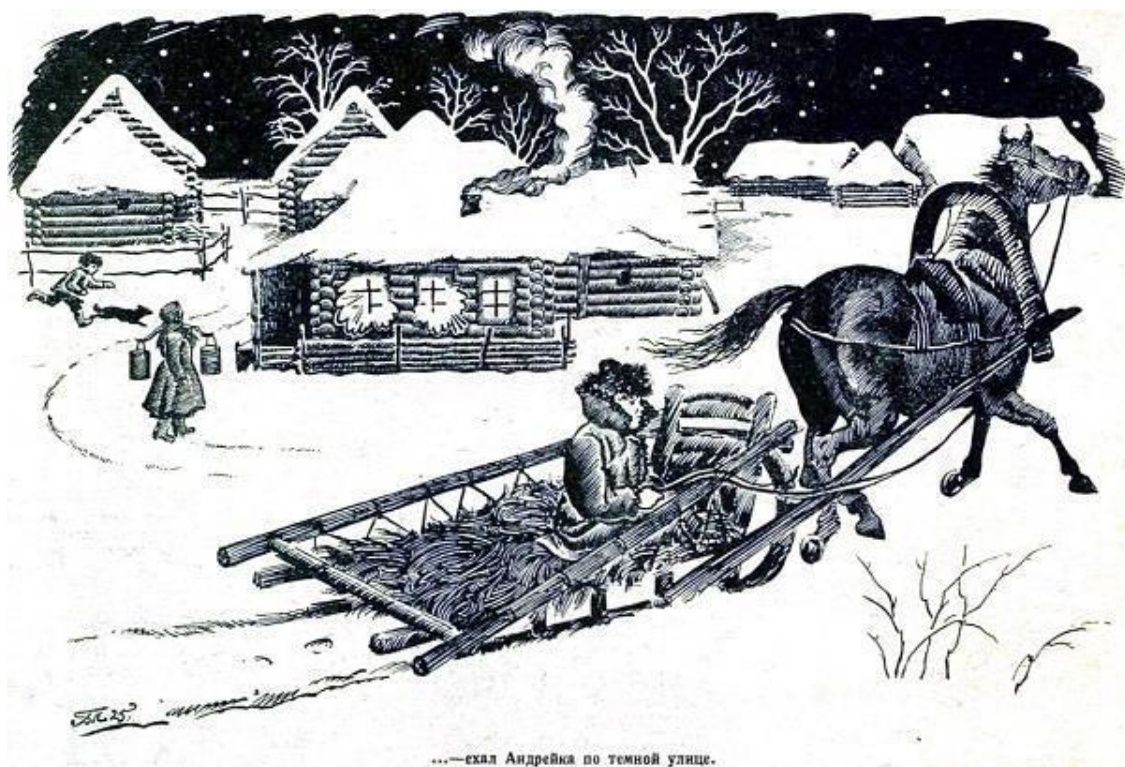
Занятная личность, я вам скажу, был этот самый Сергей Абрамович Ауслендер. По отцу – из купцов-евреев, по матери – из русских дворян. Родной племянник поэта Михаила Кузьмина, введенный им в круг творческой богемы. До революции – писатель и критик, после Октября ушел к белым, был пресс-секретарем у Колчака и его основным спичрайтером. После разгрома белых возвращается в Москву и получает условную "охранную грамоту" от Председателя ОГПУ СССР Менжинского, с которым тусил в литературных кругах еще до революции. Возвращается в литературу и вплоть до расстрела в 1937-м сочиняет книги для детей на революционную тематику.

Сергей Ауслендер. Портрет работы Н. Войтынской. 1909 г.

Но вернемся к художнику Борису Покровскому.



Если Ефанов выбился в художники из самых низов, а Соколов – снизошел до живописи с верхов, то Покровский олицетворяет третий тип, весьма распространенный среди русских живописцев.



Он представитель династии. Его отец, Владимир Александрович Покровский, был знаменитым русским зодчим, мэтром и академиком, действительным членом Императорской Академии художеств.

Сын, закончивший знаменитое петербургское Реальное училище Карла Мая, пошел по пути отца, и поступил в Институт Гражданских инженеров. Вот только сделал он это летом 1917 года.

Как вы понимаете, учеба не задалась. В наступившие смутные времена молодой человек зарабатывал как мог – трудился чертежником в Волховстрое, был членом-приемщиком Военно-хозяйственной Приемной комиссии Х. В. О. (что бы это не значило), ну и, разумеется, работал «по специальности» – занимал должность художника в агитационно-художественном отделе Дон-РОСТА и Главполитпросвете Дагестанской ССР.



Благо, нет, наверное, ни одной семьи художников, где дети не умели бы рисовать.

В 1922-м, когда был объявлен НЭП и стало чуть полегче, поступил на Полиграфический факультет Высших художественных Технических Мастерских (бывшую Академию художеств), но в 1925-м был отчислен из-за рекордно низкой посещаемости.

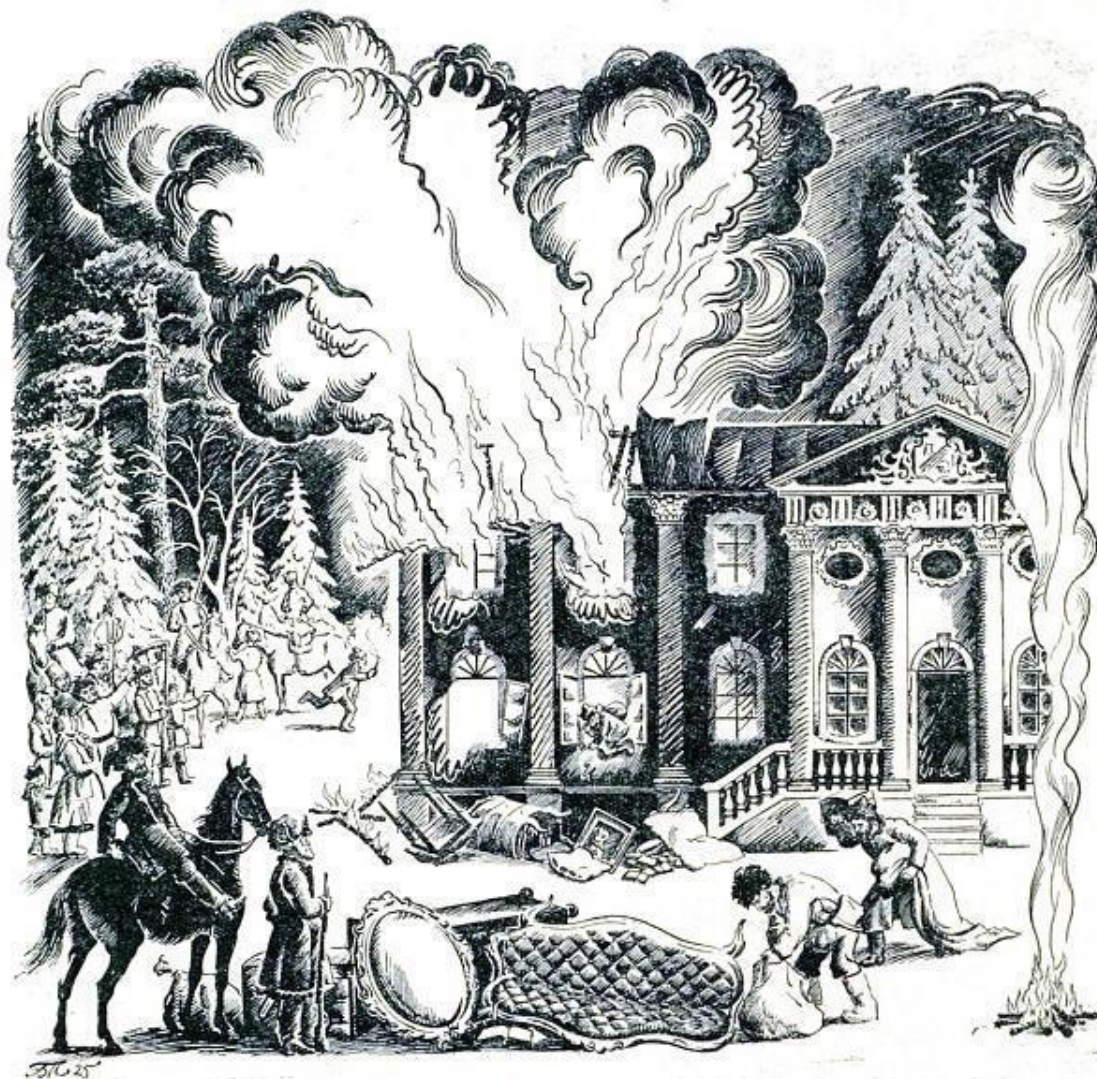
Время было такое. В смутные времена студенты ходят не на пары, а на халтуры.



Не был исключением и наш герой, который, похоже, не очень-то и расстроился из-за исключения. В 1926-м 26-летний художник-недоучка вместе с такими же бедолагами, умудрившимися родиться в веселое время, рисует в журнале "Пионер" и других изданиях, иллюстрирует детские книги.

Но вот что интересно – с начала 1930-х иллюстратор Борис Покровский исчезает – так же, как Соколов-Аси. Но если тот пропал бесследно, то наш герой вскоре нашелся. Оказывается, он просто радикально поменял специализацию. И на смену иллюстратору Покровскому приходит Покровский-монументалист.

Как вы уже заметили, он был не один такой.



Серый столб дыма вырвался из под темной крыши

Я вам больше скажу – только один художник из всей этой компании в истории остался детским иллюстратором. Но о нем позже. А все остальные разошлись по другим дорожкам.

Борис, как я уже сказал, занялся монументальной живописью, которую сейчас, правда, чаще именуют англоязычным термином «мурал». Хоть таким образом оказался причастным к отцовской архитектуре. Борис Покровский расписал великое множество архитектурных сооружений.

Он рисовал фрески и делал мозаики для ВДНХ и множества вокзалов – его росписями могли похвастаться Ярославский, Ленинградский, Киевский, Курский, Савеловский вокзалы Москвы и центральный вокзал Минска. Но это, пожалуй, его единственная иногородняя работа, если не считать дом отдыха Совета Министров «Морозовка» в Подмоскowie.



Кроме того, он очень много работал в московского метро, как правило, делал мозаики. Для станции "Завод имени Сталина" – нынешней "Автозаводской" – он создал восемь мозаичных панно. Вот одно из них,



Вот другое.



А это – панно из естественного мрамора «Знамена побед» в торце среднего зала станции «Новокузнецкая».

Изначально там был Сталин, потому что панно 1943 года, но в 50-е ученика заменили учителем.



А это тоже мозаичное панно, тоже из естественного мрамора, и тоже «Знамена побед», но для станции "Бауманская".

В общем, работал человек много, след оставил обширный, а уж по количеству видевших его работы он уступает только Дубасову.

Но интересно другое – очень активно работая в области монументальной живописи в 1930-х и 40-х, и будучи в этой области одним из самых заметных художников, в 50-е художник Борис Покровский вновь исчезает.

Но на сей раз – окончательно и навсегда.

Искали его долго, но нашли только упоминание Павла Барто о том, что Борис Покровский вроде бы был репрессирован.

Но это не точно.

И только недавно исследователи семейной истории Покровских Сергей Гаврилов и Анна Дунаева установили, что художник Борис Владимирович Покровский в 1953 г. был отчислен из членов МОССХ на основании постановления линейного суда Московско-Рязанской железной дороги.

Как осужденный за хищение государственного и общественного имущества сроком на 15 лет с поражением в правах на 4 года и с конфискацией всего имущества.

Чисто уголовная статья – такое тоже бывает в жизни.

53-летнего художника отправили по этапу в казахстанский Актюбинск, Последнее упоминание о художнике датируется 1960-м годом, после чего его следы окончательно теряются.

Скорее всего – умер в заключении, отсидев только половину срока.

Глава 5. Владимир

В 1920-х годах в журнале "Пионер" работали несколько молодых художников. Только-только начинающих. По большому счету, они были еще никто и звать их никак.

Но что-то в них все-таки было, раз уж их приветили в "Пионере" и периодически давали заказы на иллюстрации. А в те голодные годы это иногда был вопрос жизни и смерти.

Один из этих юношей был князь. Вернее – бывший князь. Но не тот, из книжки, который бывший князь, а ныне трудящийся Востока.

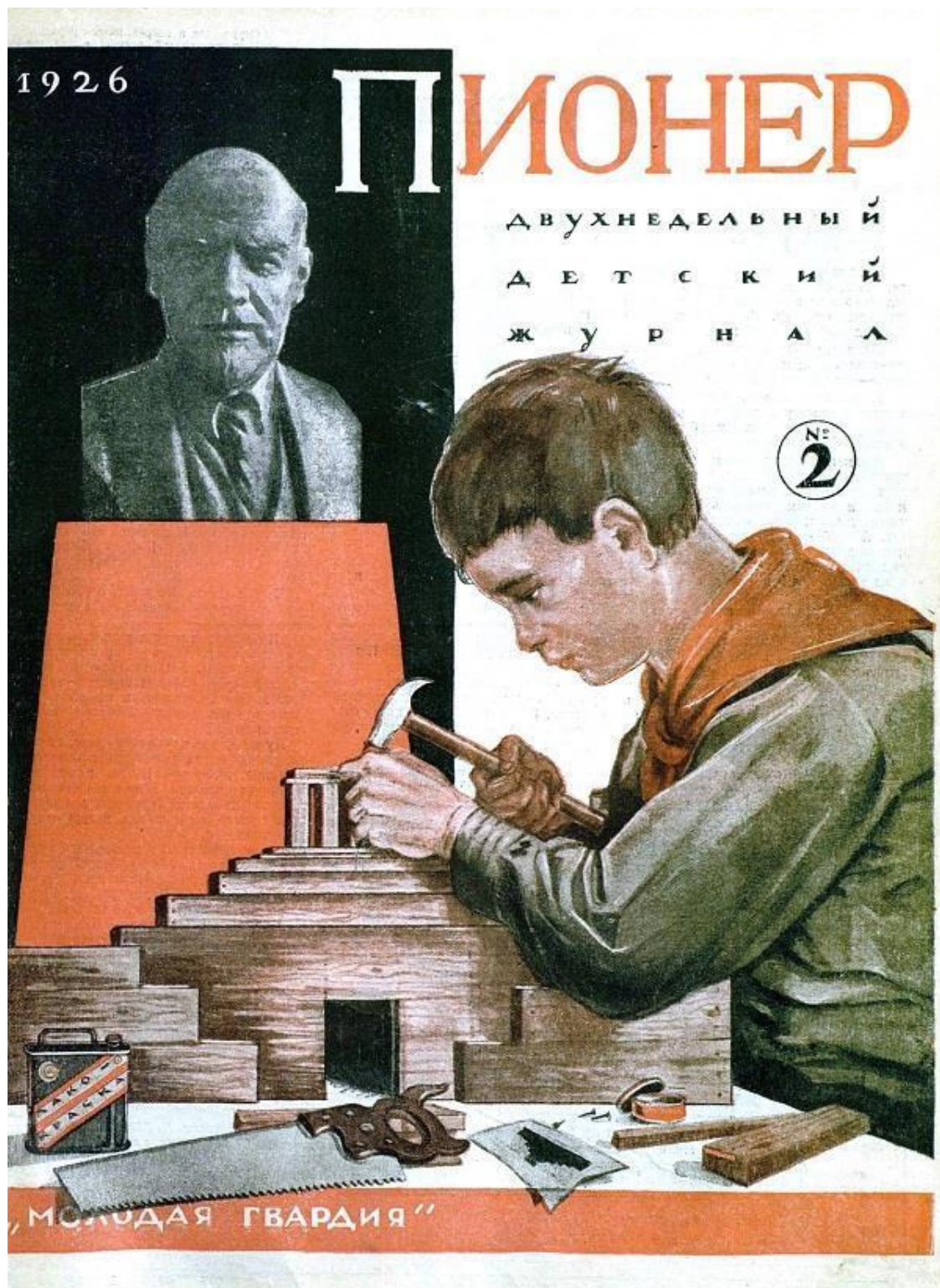
Этот был настоящий князь и фамилия его была довольно известной – Голицын. Владимир Михайлович Голицын, если быть точным. Их тех самых Голицыных, которые Гедиминовичи и ровень с Рюриковичами.

Художник "Пионера" Владимир Михайлович Голицын был сыном князя Михаила Владимировича Голицына и Анны Сергеевны, урожденной Лопухиной, внуком и полным тезкой московского губернатора и городского главы князя Владимира Голицына – в честь которого он, в общем-то, и был назван.

Вот портрет дедушки работы Серова.



Князь Голицын был в "Пионере" не на первых ролях. Ни одного литературного произведения, например, ему оформить в 1926 году так и не дали. Среди художников номера упоминался часто, но рисовал в основном всякие головоломки и прочие "постоянные рубрики". Из всех достижений года Голицын может записать на свой счет разве что две обложки. Это обложка для "Пионера" №2



И для "Пионера" №3.



Последнюю, кстати, вспоминал в своих мемуарах младший брат художника, писатель Сергей Голицын («Сорок изыскателей», «Городок сорванцов» и др.): *"Помню его обложку для журнала "Пионер": на фоне карты нашей страны стоит красноармеец-пограничник в длинном оранжевом тулупе"*.

Бывший князь был того же поколения, что и все остальные герои моей повести, а 1926 году ему было 20 с небольшим. В отличие от остальных, он не имел даже неоконченного художественного образования и вообще художником стал совершенно случайно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.